

Капельмейстер

Леонид ГАЛИНСКИЙ

Своими мыслями об оркестре я поделился с Юрием Михайловичем Лужковым. Он выразил желание встретиться с Безродной, тогда уже народной артисткой России.

— Если есть проблемы — выкладывайте, — предложил мэтр за чашкой чая.

Конечно, проблем у творческого коллектива всегда хватает. И помощь Лужкова оказалась тогда знаковой, оркестр в самое трудное для него время удалось сохранить. А недавно музыкальному созвездию «Вивальди-оркестр» исполнилось десять лет. Он с триумфом выступил в Большом зале консерватории. В репертуаре красавиц-оркестранток 500 сочинений композиторов разных стран и эпох. Но главная, конечно, изюминка — Вивальди. Я попытался разговорить Светлану Борисовну.

— Вас обычно объявляют в концертах как художественного руководителя оркестра, солистку и дирижера. С последним, насколько нам известно, вы явно не согласны. Почему?

— Мы живем в удивительное и дикое время. На протяжении многих лет эпитет «великий» или «выдающийся» художник мог обрести только после смерти. Разумеется, я говорю, так сказать, об официальном признании. Видимо, это своеобразная дань традиции, тем устоям, на которых покоилось государство, вначале тоталитарное, потом автократическое. Все делалось по повелению свыше, по разнарядке, в том числе и определение заслуг творца. Это одна сторона медали. Была и другая. Наряду с теми, кто нередко попадал в «великие» или «выдающиеся», прежде всего за свои верноподданнические настроения и деяния, было немало и подлинно великих творцов. Но и им суждено было обрести величие лишь после смерти, ибо прижизненно великими были только руководители партии и правительства, сильные мира сего. Однако, вот парадокс, именно все это создавало определенный табель о рангах, где хоть всяк сверчок и знал свой шесток, но тем не менее он, этот сверчок, делаемый таковым по повелению свыше, мог претендовать на бессмертие, хотя бы после смерти.

Сегодня же все перепуталось, перемешалось. Если прежде была опре-

Несколько лет назад мой друг познакомил меня с очаровательной женщиной. Запомнились ее мягкая улыбка и внимательный взгляд. Незнакомка представилась: Светлана Безродная. Уже тогда слава «Вивальди-оркестра» и за границей, и в наших пределах была вполне очевидной. Но гордыню или еще что-то подобное художественный руководитель замечательного коллектива в общении отсекал. А концертное впечатление от исполнителей осталось неизгладимым.

Наталья ЛОГИНОВА

деленная и порой достаточно точная грань между «великим», «выдающимся», «талантливым» и «популярным», сегодня она стерта. Просто популярные по своей сути, по степени одаренности прижизненно произведены в выдающиеся, в великие. Когда в канун двухсотлетия нашего гения Пушкина гением же называют популярного поэта-песенника, то невольно возникают сомнения в нравственном состоянии нашего общества.

То же самое происходит с профессией. Человек, спевший одну песню, объявляется певцом, композитором. У меня в дипломе Московской кон-

Не называйте меня дирижером

Вет. Москва - 1999 - 2 февр. - Р.Б.

серватории написано, что отныне мой профессиональный статус — педагог, камерный исполнитель, солист. А посему, чем бы я ни занималась, именно таковой себя и считаю. То есть, иными словами, если говорить о моем положении в оркестре, то я — капельмейстер, что в переводе означает: руководитель собрания музыкантов. Между прочим все великие — Ви-

вальди, Моцарт, Гайдн — именовались именно так: капельмейстеры. Они играли в оркестре. Вот Верди в оркестре не играл, он стал именоваться композитором и дирижером. Я себя с богами не сравниваю, но при условии им, так сказать, «профессиональные тарификации» охотно применила бы и к себе. Тем более что следуя их традициям руководства орке-

стром, то есть руковожу, сама же и играя на инструменте. Подобное управление, прямо скажем, не самое легкое дело, так как требует огромных физических и умственных затрат. Ведь партитуру надо не просто держать в голове, но и исполнять пальцами, выполнять всю работу оркестранта, причем всех голосов.

В этом помогает опыт, накопленный за годы преподавания в Центральной музыкальной школе, и еще одно счастливое обстоятельство: обучение в классах поистине великих педагогов XX века, профессоров Московской консерватории Ямпольского, Цыганова, Ширинского и огромного влияния знаменитого Квартета им. Бетховена, которому опять же великий композитор XX века Дмитрий Шостакович посвятил многие свои камерные произведения.

— Ну вот, у вас были такие хорошие педагоги, тогда объясните, почему 20 лет вы молчали?

— Ответ я оставляю при себе. Скажу только следующее: когда проходили съемки на «ТВ Центре» четырех моих часовых монологов о Вивальди, Моцарте, Россини и Штраусе, которые, кстати сказать, благополучно растворились без следа и демонстрации на экране этого самого центра, меня удивило высказывание Россини, которое, может быть, мало кто знает. Его как-то спросили, почему он, великий Россини, «Европы баловень», увенчанный славой, увенчанный орденами и регалиями, сорок лет как не пишет, он ответил, что слишком рано начал, а тот, кто рано начал, должен рано и закончить. Я начала поздно. За 10 лет вместе со своим оркестром ус-

— Как бы я ни любила этого удивительного, вне времени и национальной принадлежности, художника, этого католического «рыжего попа», как нарекли его современники, но название это отражает образ нашего женского православного оркестра. Это женский образ. И, кстати, мужество и самоотверженность в работе моих удивительных девушек позволяют мне придумать награду, которой я хотела бы их наградить, — неким орденом за доблестное служение Отчеству. Так как за все время существования начиная с 1989 года оркестр всегда появлялся в самых горячих точках бывшего СССР. Вспоминаю хотя бы гастроли по Белоруссии (вскоре после чернойбыльских катастрофы) в тех ее местах, которые особенно пострадали, или, скажем, выступления в Баку во время памятных событий. Всего не перечислять. Но всегда на высоком профессиональном уровне, в отличном жизнерадостном тонусе, всегда с огромной эмоциональной отдачей.

— Многие сейчас, должно быть, спрашивают вас о вашем новом проекте — открытии театра-кафе. Что это такое?

— В основу замысла легла идея возрождения русского танго в том первоначальном виде, в котором его видели и слышали наши отцы, матери, дедушки и бабушки, то поколение, которое под эту музыку любило, строило, провозжало на войну и встречало вернувшихся живых. Вы спросите, как это сопрягается с классической музыкой? А ведь это тоже классика, в интонациях которой вы услышите характерные обороты музыкального творчества Даргомыжского, Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова. Не говоря уже о текстах, которые родились под воздействием поэзии Блока, Брюсова, Ахматовой. Я сейчас полностью захвачена этой идеей, ни о чем другом думать не могу. Моя мечта — увлечь этой идеей людей всех поколений, заставить их полюбить эту музыку, танцевать под нее. Немаловажную роль в поддержке проекта играет замечательная женщина, директор Центрального Дома актера, в стенах которого будет располагаться театр, Маргарита Эскина. Она заслуживает прижизненного памятника за все те добрые дела, которые делает.

Желаю читателям «Вечерки» здоровья и счастья. Приходите к нам в театр, на Арбат, 35.